ЗАЙДЕШЬ В ПЕЩЕРУ, А ТАМ…

Кишлак Куль — самый отдаленный в Гиссарских горах. Но сколько еще других, столь же необычных. Отправляясь в путь, мы плохо представляли географию здешних мест, да и историю. Выгрузившись из уазика, без слов поняли, что отъехали на пару тысячелетий.

Скалу брал Македонский?

Женщина сидела на гладкой глине у тандыра. Тандыр был пуст и холоден и, очевидно, она просто отдыхала в его тени. Наш журналистский налет с фотоаппаратами ее ничем не удивил и не смутил. Она продолжала спокойно смотреть в вечность. Куда смотрели маленькие внуки, сидя на земле рядом с ней? С некоторым удивлением на суетливых приезжих. Впрочем, и они еле повернули головы, пока мы щелкали камерами.

Кульский «казан» находится среди недвижных гор. Точно так же было и две с половиной тысячи лет назад. Точно так же со скалы неслись брызги и водяная пыль вместе с водопадом. То, что водопад, как и вся местность, называется Афрасиабом, может, случайное совпадение, ведь имя точь-в-точь, как у древнего городища близ Самарканда — Мараканда.

Но Исматов Авлокул с Кульской метеостанции, ставший нашим гидом, уверил, что здешнее поселение не моложе:

«Все кульцы это знают. Несколько лет назад сюда приезжали археологи из Лондона. Они вели раскопки над скалой. Там, на большой ровной площадке, обнаружили много пик, луков и стрел, скелеты воинов и подтвердили, о чем сказывалось в легендах».

Во времена Согда через горный Афрасиаб проходил древний караванный путь, значит, пункт был стратегический. За него и дрались. Кто? Возможно, армия Македонского. Вот что о ней говорили ученые.

«Весной 329 года до нашей эры греко-македонская армия во главе с Александром за пятнадцать дней совершила переход из Северной Индии через покрытый снегами Гиндукуш и вторглась на территорию Средней Азии. Переправившись через Амударью, греки двинулись к Мараканде и после упорного боя захватили город. Оставив здесь гарнизон, Александр Македонский предпринял поход на восток — к Ферганской долине. Но путь греческих завоевателей оказался нелегким. Весной 327 года Александр осадил крепость «Согдийскую скалу», которая находилась, по-видимому, где-то на склонах Гиссарского хребта.

«Скала» была неприступна, и защитники ее решили бороться до конца. На предложение македонцев сдаться они гордо ответили: «Пусть Александр раньше добудет себе крылатых воинов, которые смогут взлететь на скалу. Обыкновенным же людям об этом и думать нечего». Вызов горцев задел самолюбие полководца. Началась осада. Отряд воинов с огромным трудом сумел подняться по отвесному обрыву и зайти в тыл оборонявшихся. Крепость была вынуждена сдаться».

Та ли это скала? Досадно, — так мы думали, слушая Авлокула, — но увидеть Куль со скалы не удастся, не удастся ощутить на месте событий жар схватки и забраться в пещеру-зиндан в соседстве с водопадом. Время нам отпущено заместителем директора Гиссарского заповедника Владимиром Худяковым строго по лимиту — пока он разбирается с медведями. Здесь, как и в Гилане, откуда мы прибыли, медведи распустились. Ходят по склону через речку от кишлака. Выслушать жителей, определить, насколько звери опасны для людей, это его задача. А мы настороженно всматривались в склоны: «Точно ходят?» и загадывали приехать сюда еще, без лимита.

Из-за него пришлось отказаться от приглашения осмотреть метеостанцию — она от Куля всего в километре. Находится на высоте 2161 метр над уровнем моря и является здешней достопримечательностью. Мы ходили по кишлаку, интересовались урожаями пшеницы и картошки, сбором яблок в садах и ежились, когда вдруг ни с того ни с сего начинали реветь ишаки: «Дикого зверя почуяли?»

Если честно, больше всего наша команда журналистов боялась обратной дороги в Гилан. Готовы были топать пехом, как собирались сюда, в Куль. Но по жутким кручам в «казан» спустились на машине. Удастся ли подняться? Успокоились лишь, узнав, что поедем в объезд через Миновар, спустившись на пятнадцать километров по красивому ущелью.

Караул на ночной дороге

Пишу эти строки, когда зима сменила осень, когда ущелья засыпаны снегами, когда до Куля можно добраться разве что вертолетом. До Миновара что от Куля, что от Гилана расстояние одинаковое. Гиланцев в пять раз больше, чем кульцев, и свою дорогу, когда засыпает лавинами, они прочищают. И чистят ее далее до Гиссарака. В Гиссараке регистрируют брачующихся, поэтому все свадьбы, а их бывает за зиму в Гилане с полсотни, по тоннелю из снега спускаются на регистрацию в Гиссарак. Так заведено.

Мы ехали из Куля над горной рекой, периодически останавливаясь для передышки уазика,

и, помнится, обсуждали, как же играют свадьбы кульцы, если снежная блокада — месяцами?

К Миновару, где соединяются обе дороги, мы прибыли в сумерках. Остановились у развилки, и Худяков в очередной раз поднял капот. А мы отправились на экскурсию в сад, замечательный тем, что назван в честь красавицы Миновар. Имя мужчины никто не помнит. Зато сохранилось имя его любимой. Лет сто назад они приехали и разбили в этих краях самый первый сад. Но когда вспоминают Миновар, прежде всего говорят с почтением о высокой и чистой любви. Сад после их смерти стал колхозным, потом совхозным, а нам навстречу вышел его новый хозяин. Про себя сказал, что — гиланец, что растут здесь замечательные не только яблоки, но и груши. Случается, медведи захаживают полакомиться. А сам он на зиму уедет в кишлак, домой.

Туда же хотелось и нам. На этом пути пейзажи не запомнились, ведь спустилась ночь. Подозрительно скрипело колесо. И мы каждый километр выбирались его послушать, ну и в целом подремонтироваться. В осенний холод остановки не доставляли удовольствия. «Ласточка» не летела, а с натугой ползла. При этом из головы не шел вчерашний рассказ гиланцев, как перед их «Нивой» вот где-то здесь, на этом участке бежали четыре медведя. И было это вчера.

На остановках мы группировались у машины, помня инструкцию: «От медведя — не бежать, а говорить с ним сурово, типа, проваливай». Так и не спросили потом командира, оценил ли он наш добровольный караул у капота? Хоть и было не по себе, но очень хотелось вернуться в Гилан. И вернулись. Наутро из колеса выгребли обломки подшипника, что дало повод в очередной раз отметить: «А мы везучие!»

Сменив подшипник, наш экипаж отправился для изучения обстановки в сторону Миракинского участка заповедника. Ярко светило солнце. Куль, Гилан, Миновар остались позади. А в Гиссараке мы выпросили очередной лимит времени. Не ради представительного колледжа, в котором семьсот подростков из окрестных кишлаков изучают информационно-коммуникационные технологии, не ради пчеловодов с флягами меда. Ради водяной мельницы.

Крутились ее жернова, и мельник Раджобой лопаткой сгребал коричневатую муку в мешок. Но микро-ГЭС, которую мы обнаружили рядом с мельницей, заставила еще более изумиться. Сделана кульским умельцем. В Куле уже десять таких устройств работают. Вот и хозяин мельницы заказал. Теперь перебоев с подачей электроэнергии не замечает. Когда везде темно, у него светло — энергии хватает на четыре лампочки и телевизор.

Вверх по реке Тамшушдарья

Худяков предупредил, что из Тамшуша поедем вверх по реке, и мы этому ничуть не удивились. В первой, что ли? Он планировал доехать до кордона, что в четырех

километрах от кишлака. Но не успели мы выехать из Тамшуша, как наша «ласточка» брюхом легла на камни. Правое колесо бесславно крутилось, и казалось, что наступила агония. «Ну почему здесь нет настоящей дороги?!»
Дорогой считается русло селя. Сели проходят каждый год. Если русло спрямить, утрамбовать или, не дай Бог, заасфальтировать, то полетит селевой поток пулей. Не успело колесо остановиться, как появились сочувствующие и даже сошел с горы мужчина с домкратом. Он подкатил под колесо несколько глыб и буквально за считанные минуты вернул технику к жизни. Спасибо ему огромное, ведь помогал не в службу, а чисто по человечески. Машина скатилась по булыгам, как по ступенькам. Мы же к этому времени успели использовать нечаянный «лимит» на общение с тамшушовцами.
На фоне полного отсутствия дороги и карабкающегося по селевым наносам уазика поразили в строящемся на пригорке доме пластиковые рамы. А в остальном все, как у всех. На высоком фундаменте – обмазанные глиной стены. Сильные мужчины стучали молотками по стропилам, а веселые женщины звали в дом. Они обрадовались, что мы приехали в Тамшуш: «Обычно все журналисты едут в Гилан. Приезжайте сюда снова. Закончим стройку — погостите».
Мы пообещали и двинулись в сторону кордона. Миракинский участок Гиссарского заповедника занимает территорию около 12 тысяч гектаров. Охраняют его пять инспекторов. На каждого приходится куда меньше гектаров, чем на Гиланском участке, но нагрузка больше, так как население проживает вблизи заповедника и возникают проблемы рубки дров и выпаса скота на заповедной земле.
Эту информацию мы получили у русла Тамшушдарьи. Русло было широченным. Сели и тут прокатываются каждый год, и камней видимо-невидимо. На их перекатах и дошло, что «вверх по реке» следовало понимать буквально. Стыдно признаться, но мы капитулировали, не доехав до кордона. Очевидно, тем самым нарушили рабочий план замдиректора. На закате обозрели вершины в заповеднике, колоссальное каменное ложе небольшой по осени речки и влились в вереницу женщин и подростков, а также коров, коз и овец, возвращающихся с пастбищ по тропе, под предлогом заснять на камеры это шествие, а также автородео.
Вечером в Тамшуше в доме инспектора участка Ахата Ганиева за пиалой чая мы жалели о том, чего не увидели. «Зайдешь в пещеру Амирбека у кордона, кажется, конница копытами стучит. Зайдешь за перевал, там бездонные озера. А есть место, где родник бьет из земли на три метра…» — «А хорошо бы пойти в инспектора», — размечтались мы в ответ, понимая, что это всего лишь фантазии городских.

Жизнь в Тамшуше не сахар, как и в других горных кишлаках. Вон чайник кипит на костре, как будто вся жизнь — поход. Умываться — из студеного ручья. Телевизор есть, да подача

электроэнергии ограничена. Кончились вечерние два часа — зажигай свечу или керосиновую лампу. Наверное, если и здесь появятся микро-ГЭС, как в Куле и Гиссараке, станет жизнь легче. Но на маршруте у инспектора — никаких удобств. На 81 тысячу гектаров Гиссарского заповедника инспекторов всего тридцать. Даже если инспектор отвечает за полторы-две тысячи гектаров, то попробуй эти гектары обойди. Если сюда загнали стада для незаконного выпаса на альпийских лугах, попробуй, обнаружь.
Такие стада, как нам «шепнули», загнали из-за хребта из соседней области и выпасают их на Миракинском участке вблизи кишлака Сувтушар, куда и отправились поутру инспектор на лошади, а остальные — на машине.
В пути наблюдали горы яблок в садах, каждая — тонны по две, ручьи на улицах Сувтушара, новехонькую школу с ребятней, шумящий за границей заповедника огромный водопад… Инспекторы заповедника ушли за водопад на поиски овечьих стад, а журналистская экспедиция среди альпийских лугов подводила учет увиденного и услышанного. Много чего накопили в блокнотах и фотокамерах. Но подумалось: «А хорошо, что мы не попали на кордон. Будет манить, как золото в сказке про Али-бабу. Зайдешь в пещеру, а там…»
Наталия ШУЛЕПИНА
«Новый век», № 1, 13.1.2010г.
Окончание серии. Всего четыре статьи:
1. Медвежьи углы — начало серии о кашкадарьинских горных кишлаках
далее см.
2. Виды с гиланских крыш
3. Кто знает о Кульском Афрасиабе?
4. Зайдешь в пещеру, а там…

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

14.01.2010